

*Светлой памяти
Мэри Фелиситы Кеннеди Мёрфи,
моего доброго ангела*

Пролог

Барнсли, Англия, 1200 год

Мужской монастырь

— Ваше преосвященство, не объясните ли нам иерархию небес и земли? Кого Господь поставил выше всех? — спросил ученик.

— Наверное, апостолы первыми отмечены его милостью? — предположил второй.

— Нет, — ответил мудрый епископ Холвик. — Выше всех поставлен Господом архангел Габриель*, покровитель женщин и детей, защитник невинных.

— Кто же следует за ним? — спросил первый ученик.

— Остальные ангелы, разумеется, потом двенадцать апостолов во главе с Петром, а за ними — пророки, чудотворцы и те, кто проповедовал Слово Божье на земле, а уже за ними стоят на небесах все другие святые.

— А кого Господь выделяет здесь, на земле, ваше преосвященство? Кто из людей прежде всех отмечен Божьей благодатью?

— Мужчина, — без промедления ответил епископ. — А превыше всех мужчин — наш святой отец.

Ученики кивнули, вполне соглашаясь с этой доктриной. Томас, старший из юношей, чье лицо выражало напряженную работу мысли, облокотился о выступ каменной стены и воскликнул:

---

* Габриель (Gabriel) — английская транскрипция имени архангела, которое по-русски произносится Гавриил. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Далее любовью Господа одарены кардиналы, а затем другие служители Божьи!

— Это так, — согласился епископ, довольный догадкой ученика.

— А кто же идет после них? — спросил второй ученик.

— Ну что же, далее следуют владыки царств земных, — объяснил епископ. Он сел на середину деревянной скамьи, расправил складки своих затейливо украшенных черных одежд и продолжил: — Однако те государи, благодаря которым умножаются церковные богатства, конечно же, более возлюблены Господом, нежели те, кто копит золото для своих собственных удовольствий.

Еще трое юношей подошли послушать поучения святого наставника. Они уселись у ног епископа.

— Следуют ли за ними женатые, а после них — неженатые мужчины? — спросил Томас.

— Да, — подтвердил епископ. — Они стоят на той же ступени, что купцы и шерифы, однако выше крепостных, прикрепленных к земле.

— А кто после них, ваше преосвященство? — продолжал интересоваться второй ученик.

— Животные, от наиболее верного человеку — собаки, — ответил епископ, — и до скудоумных волов. Вот, полагаю, я подробно ознакомил вас со всей иерархией, чтобы вы могли повторить это своим ученикам, когда примете обет и посвятите себя Господу.

Томас встряхнул головой:

— Вы забыли женщин, ваше преосвященство. Любит ли их Господь?

Епископ потер лоб, обдумывая вопрос.

— Я не забыл женщин, — сказал он наконец. — В любви Господа им отведено самое последнее место.

— Ниже скудоумных волов? — спросил второй ученик.

— Да, ниже волов.

Юноши, сидевшие на земле, тут же закивали в знак согласия.

— Ваше преосвященство! — обратился к епископу Томас.

— Что такое, сын мой?

— Вы ознакомили нас с иерархией Бога или церкви?

Вопрос ужаснул епископа Холвика. По его мнению, в нем прозвучало богохульство.

— Но ведь это одно и то же. Разве не так?

Большинство людей, живших в раннем средневековье, верили, что церковь точно истолковывает учение Господа. Но не все. Некоторые, в том числе и женщины, думали об этом иначе. Наша история — об одной из таких женщин.

Глава 1

Англия, 1206 год

Эта новость, конечно, была для нее убийственной. Келмиту, ее преданному управителю, оставшемуся за старшего в доме со времени поспешного отъезда из Англии барона Рольфа по личному поручению короля, выпала тяжкая обязанность сообщить своей госпоже ужасную весть. Он не стал откладывать, ибо догадывался, что леди Джоанна пожелает задать посыльным несколько вопросов до их возвращения в Лондон, если, конечно, сможет говорить с кем-нибудь после того, что услышит о своем возлюбленном супруге.

Да, нужно было сообщить все благородной леди как можно скорее. Келмит хорошо знал, в чем состоит его долг, и ноги, словно увязая по колено в болоте, потащили его по дороге в сторону заново отстроенной часовни, куда леди Джоанна отправилась к обеду.

Отец Питер Маккечни, священник, приехавший из Маклорина, расположенного в Нагорье*, одолевал крутой подъем с нижнего двора в тот момент, когда Келмит заметил его. Вдох облегчения вырвался из груди управителя, и он призывно окликнул сурового на вид священника, пытаясь перекричать шум ветра:

— Я нуждаюсь в ваших услугах, Маккечни!

Священник кивнул и нахмурился, поскольку все еще не простил управителю его оскорбительного поведения с ним два дня назад.

---

* Так называют север и северо-запад Шотландии.

— Я нужен вам для исповеди?

В резком голосе Келмита явственно звучала насмешка, когда он крикнул в ответ:

— Нет, отец мой.

Маккечни покачал головой:

— Вы добьетесь, что душа у вас станет черным-черна.

Управитель, никак не отреагировав на это предупреждение, терпеливо поджидал, когда темноволосый шотландец подойдет к нему, а увидев в глазах священника насмешку, понял, что тот потешается над ним.

— Есть вещи и поважнее моей исповеди, — начал Келмит. — Я только что получил известие...

Но священник не дал ему закончить.

— Сегодня Страстная пятница, и ничего важнее исповеди быть не может. Я не причащу вас в нынешнюю Пасху, если вы сегодня же не покаетесь в грехах и не получите отпущения от Господа. И вы должны начать с собственной грубости. Да, это будет подходящий зачин.

Но Келмит не потерял терпения:

— Я уже все объяснил вам, отец мой, но вижу, что вы не простили меня.

— Правда, не простил.

Управитель нахмурился:

— Я не мог позволить вам войти в башню, поскольку получил специальное распоряжение барона Рольфа не допускать никого во время его отсутствия. Мне было приказано отказать даже брату леди Джоанны, барону Николасу, если он приедет с визитом. Постарайтесь меня понять, отец мой. За последний год я уже третий управитель здесь и всего лишь пытаюсь продержаться на этой должности дольше, чем другие.

Маккечни фыркнул. Он еще не все высказал управителю.

— Выходит, что, не вмешайся леди Джоанна, я и по сей день должен был бы торчать за стенами замка?

— Если бы не махнули на все рукой и не вернулись домой, — признал Келмит.

— Я не собираюсь возвращаться, пока не поговорю с бароном Рольфом и не поставлю его в известность о том опустошении, которое учинил его вассал на земле Маклорина. Там идет настоящее избиение невинных, и я буду

просить вашего барона не рассчитывать на то, что такой злобный и жадный до власти человек, как Маршалл, переменится. О бароне Рольфе говорят как о честном человеке. Надеюсь, что это заслуженно, и потому он должен пресечь зверства как можно скорее. Ведь маклоринские воины постоянно обращаются за помощью к бастарду Макбейну. Некоторые уже присягнули ему на верность и провозгласили лэрдом — и все адские силы вот-вот вырвутся на свободу. Макбейн объявит войну и Маршаллу, и любому грабителю-англичанину на земле Маклорина. Воины Нагорья способны и на ярость, и на мщение. Я готов биться об заклад: пострадает шкура и самого барона Рольфа, если Макбейн убедится, что язычники, которые насилуют землю Маклорина, — ставленники вашего барона.

Келмит, хотя и был далек от бедствий шотландцев, все же заинтересовался рассказом. Кроме того, разговор со священником позволял ему оттянуть выполнение тяжелого долга. «Конечно же, несколько минут промедления ничего не изменят», — подумал Келмит.

— Так вы предполагаете, что воины Маклорина двинутся на Англию?

— Я не предполагаю, — возразил священник, — а не сомневаюсь, но до сознания вашего барона или кого угодно другого из вас это не дойдет, пока они не почувствуют кинжал Макбейна у себя в глотке. Только будет уже слишком поздно.

Управитель покачал головой:

— Солдаты барона Рольфа перестреляют их раньше, чем они доберутся до подъемного моста.

— У солдат не будет такой возможности, — убежденно заявил Маккечни.

— Разве этот вояка — невидимка?

— Думаю, что он может им стать. Я и впрямь никогда не встречал такого, как он. У вас кровь застыла бы в жилах, расскажи я что-нибудь из того, что слышал о Макбейне, но я лишь ограничусь предупреждением, что не стоит призывать его гнев на ваши башни.

— Сейчас это уже не имеет значения, отец мой, — прошептал Келмит ослабевшим голосом.

— О, значит, все в порядке? — усмехнулся священник. — Но я собираюсь дожидаться вашего барона, сколько бы ни пришлось ждать. Дело слишком серьезно, чтобы проявлять нетерпение.

Отец Маккечни остановился, пытаясь вновь обрести самообладание. Ему было известно, что судьба Маклорина не волнует управителя, но стоило ему начать объясняться, как гнев, тщательно загоняемый вглубь, прорвался наружу, и не в его власти было скрыть ярость, прозвучавшую в голосе, однако теперь он переменял тему, принуждая себя говорить спокойно и сдержанно:

— Хотя вы, Келмит, старый пес и греховодник, но при этом честнейший человек, когда речь идет об исполнении долга. Господь вспомнит об этом в Судный день. Какую услугу я могу вам оказать, коль не нужен для исповеди?

— Я прошу вас помочь мне переговорить с леди Джоанной, отец мой. Пришло известие от короля Джона...

— Ну-ну? — поторопил его Маккечни, когда управитель замялся на полуслове.

— Барон Рольф умер.

— Боже всевышний! Что вы такое несете?

— Это правда, отец мой.

У Маккечни перехватило дыхание, он поспешно перекрестился и, склонив голову и сложив руки, зашептал молитву об упокоении души барона.

Ветер бил его по ногам полами рясы, но Маккечни был слишком погружен в молитву, чтобы обращать на это внимание. Келмит перевел взгляд на небо. Черные набухшие тучи гнал завывающий ветер, и жуткий, зловещий звук приближающейся бури был под стать событиям.

Священник закончил молитву, перекрестился еще раз и обратился к управителю:

— Почему же вы сразу не сказали мне об этом? Зачем позволили мне говорить? Вы должны были бы прервать меня. Боже праведный, что теперь будет с маклоринцами?

— Я ничего не могу ответить вам относительно владений барона в Нагорье.

— Вы должны были сразу же сообщить мне о том, что произошло, — повторил священник, терзаемый скорбной вестью.

— Несколько минут ничего не меняют, — возразил Келмит. — Возможно, благодаря разговору с вами я лишь оттягивал выполнение своей обязанности. Видите ли, я должен сообщить эту весть леди Джоанне и ваша помощь будет для меня неоценимой. Она так молода, ей неведомо вероломство. Ее сердце будет разбито.

Маккечни кивнул:

— Я увидел вашу госпожу всего два дня назад, но уже знаю, что у нее кроткий нрав и чистое сердце, однако не уверен, что смогу вам помочь. Ваша госпожа, как мне кажется, опасается меня.

— Она вообще боится священников, отец. И у нее есть на это веская причина.

— И что же это за причина?

— Она исповедуется у епископа Холвика.

— Можете не продолжать, — пробормотал с отвращением отец Маккечни, — скверная репутация Холвика хорошо известна даже в Нагорье. Неудивительно, что бедняжка напугана. Удивительно скорее то, что она пришла мне на помощь и настояла, чтобы вы, Келмит, впустили меня в замок. Теперь я понимаю, что для этого требовалось мужество. Бедная девочка! Потерять возлюбленного супруга в таком нежном возрасте. Сколько лет она была замужем за бароном?

— Более трех. Леди Джоанна была совсем еще дитя, когда ее выдали замуж. Пожалуйста, святой отец, пойдёмте со мной в часовню.

— Разумеется.

— Я знаю, что не найду нужных слов... не представляю себе... как сказать... — Голос Келмита прерывался, когда он попытался продолжить разговор.

— Говорите прямо, — посоветовал священник. — Она оценит это. Не заставляйте ее ломать голову от ваших намеков. Возможно, в этой ситуации самое лучшее — вызвать какую-нибудь женщину, которая может утешить вашу госпожу. Леди Джоанне наверняка так же потребуется женское сочувствие, как и наше.

— Я не знаю, кого об этом попросить, — признался Келмит. — За день до своего отъезда барон Рольф полностью заменил всю прислугу. Миледи плохо знает даже

имена слуг. Все эти дни госпожа полагалась лишь на себя. Она очень добра, отец мой, но далека от всех домашних, к тому же ее учили не слушать ничьих советов. Так что у нее нет доверенных лиц и нам некого сегодня позвать с собой.

— Сколько времени отсутствовал барон Рольф?

— Да почти полгода.

— И все это время леди Джоанна полагалась лишь на себя?

— Да, отец мой. Она не доверяет никому, даже своему собственному управителю, — проговорил Келмит, имея в виду себя. — К тому же барон сказал нам, что будет отсутствовать всего неделю-другую, и мы жили, ожидая его приезда со дня на день.

— Как он умер?

— Вроде бы потерял равновесие и сорвался со скалы. — Управитель покачал головой. — Уверен, что здесь что-то не так: барон Рольф не страдал неуклюжестью. Возможно, самой леди Джоанне король расскажет больше.

— Итак, нелепый несчастный случай, — произнес священник и, помолчав, добавил: — Что же, на все воля Божья.

— А может, происки дьявола, — пробормотал Келмит.

Маккечни не стал даже обсуждать такую возможность, но заметил:

— Леди Джоанна, разумеется, снова выйдет замуж. Ведь она унаследует значительный доход, не так ли?

— Она получит третью часть владений своего мужа, а они, как я слышал, весьма обширны, — пояснил Келмит.

— А может ли быть среди этих владений маклоринская земля, которую ваш король Джон украл у короля Шотландии и отдал барону Рольфу?

Келмит допускал такую возможность, а Маккечни принял это к сведению.

— Полагаю, что каждый холостой английский барон пожелал бы взять в жены вашу леди, с ее золотистыми волосами и чудесными голубыми глазами. Мне грешно признаваться в этом, но я скажу, что глубоко потрясен ее красотой. Она легко очарует любого мужчину даже и без того состояния, которое может принести мужу.

Они подошли к узкой лестнице, ведущей наверх, к дверям часовни.

— Она красива, — согласился управитель. — Я видел, как даже солидные мужчины превращались в ее присутствии в настоящих болванов. Бароны, безусловно, пожелали бы ее... но не в качестве супруги.

— Что за чушь! Почему?

— Она бесплодна, — объяснил Келмит.

У священника округлились глаза, и он прошептал, склонив голову:

— Боже милосердный!

После этого перекрестился и сотворил молитву Господу о милосердии к милой леди.

Леди Джоанна тоже была погружена в молитву: стояла перед алтарем и просила Всевышнего вразумить ее. Ей было послано правильное решение. Закончив свое обращение к Господу, она завернула пергаментный свиток, который держала в руках, в льняную ткань, еще раз подумав, не уничтожить ли эту улику, избличающую ее короля. Нет. Когда-нибудь этот свиток найдут, и если хоть один человек узнает правду о вероломстве короля, который некогда правил Англией, то, возможно, это послужит справедливости.

Джоанна поместила свиток между двумя мраморными плитами под алтарем и, удостоверившись, что он надежно скрыт от глаз и защищен от повреждений, сотворила еще одну, короткую, молитву, преклонила колена, затем прошла между рядами скамей и, отворив дверь, вышла из часовни.

Разговор между отцом Маккечни и Келмитом тут же оборвался.

Облик леди Джоанны опять поразил священника, и он признал это без чувства вины и угрызений совести. Маккечни не счел грехом похоти то, что заметил сияние ее волос или изумился чуть больше, чем было возможно, прелести ее лица. В его глазах Джоанна была просто одним из Божьих созданий, великолепным примером совершенства, творимого Господом.

Среднего роста, саксонка с головы до пят, с высоко очерченными скулами и светлой кожей, она, однако, благодаря своей царственной осанке, казалась выше священника.

Да, ее лицо доставило удовольствие святому отцу, и он не сомневался, что не только ему, но и самому Господу, поскольку обладала добрым и мягким сердцем.

Маккечни был человеком сострадательным. Душа его страдала от жестокого удара, который судьба уже обрушила на эту достойную леди: бесплодные женщины были не нужны в этом королевстве. Бремя, что она несла, со знавая свое унижительное положение, конечно же, и было причиной, по которой он никогда не видел ее улыбки.

А теперь ее ждал еще один жестокий удар.

— Могу ли я сказать вам несколько слов, миледи? — спросил Келмит.

Его тон уже должен был ее насторожить. Она и правда взглянула на него тревожно, ладони сжались в кулаки, и, кивнув, медленно вернулась в часовню.

Мужчины последовали за ней. В середине прохода между рядами деревянных скамей леди Джоанна остановилась и повернулась к ним. Прямо у нее за спиной находился длинный мраморный алтарь, на поверхности которого стояли четыре светильника, освещавших часовню, и пламя мигало внутри круглых стеклянных сфер.

Леди Джоанна распрямила плечи, сложила руки и твердо посмотрела на управителя. Казалось, она собирается с силами, чтобы услышать дурные вести. Ее голос прозвучал как тихий шепот, лишенный всяких эмоций:

— Мой супруг возвратился домой?

— Нет, миледи. — Келмит взглянул на священника, тот ему кивнул и выпалил: — Только что прибыли двое послышных из Лондона с ужасными вестями. Ваш супруг погиб.

За этим сообщением последовало долгое молчание. Келмит нервно сжимал и разжимал руки, а его госпожа не обнаруживала никакой ответной реакции. Решив, что она не поняла смысла сказанного, он повторил хриплым шепотом:

— Это правда, миледи. Барон Рольф умер.

Отклика по-прежнему не было. Священник и управитель обменялись встревоженными взглядами, но тут увидели, что в ее глазах блеснули слезы. Отец Маккечни едва не издал вздох облегчения: она поняла.

Он ожидал, что она откажется поверить сообщению, ибо за все долгие годы, посвященные утешению обездо-